УДК 330+323+316

DOI: [10.14530/se.2017.4.009-022](https://doi.org/10.14530/se.2017.4.009-022)

ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ: УРОКИ ВЕКОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. Рассматриваются экономические аспекты российских революций 1917 г., история и последствия которых, особенно второй, Октябрьской, революции, привлекают в этом году пристальное внимание не только в России, но и во всем мире, учитывая их значение для всей мировой истории, влияние на модификацию содержания эволюции всей человеческой цивилизации. Анализируется воздействие форм революционных преобразований на институционально-экономические тренды и социально-экономические результаты как фактические, так и гипотетические. В настоящем тексте, имея в виду экономические предпосылки и последствия, под революцией понимается переход власти (насильственным или ненасильственным путем) к новой национальной элите или к части существующей элиты, представляющей (прямо или опосредованно) новые формы функционирования экономики и собственности. Как правило, эти новые формы настолько развиты, что изменение политической оболочки, обеспечивая приоритет соответствующих им институтов, гарантирует экономический прогресс за счет приоритета нового типа экономики, доказавшего свою эффективность в ходе предшествовавшей экономической эволюции. Утверждается, что в случае России основой революции стала не реальная эволюция, нуждающаяся в политическом «толчке», а основанная на абстрактной теории или на аналогиях вера, идея создания «нового общества», экономики и типа собственности, не имеющих аналогов в действительности.

Ключевые слова: революция, экономика, переворот, мессианство, институты

Для цитирования: Минакир П.А. Эволюция и революция: уроки векового эксперимента // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 9–22. DOI: [10.14530/se.2017.4.009-022](https://doi.org/10.14530/se.2017.4.009-022).

For citation: Minakir P.A. Evolution and Revolution: Lessons of a Century-Long Experiment. *Prostranstvennaya Ekonomika* = *Spatial Economics*, 2017, no. 4, pp. 9–22. DOI: [10.14530/se.2017.4.009-022](https://doi.org/10.14530/se.2017.4.009-022). (In Russian)

Вековой юбилей столь значимого для мировой истории события, как Великая Октябрьская социалистическая революция, сам по себе – вполне весомый повод для обострения и в России, и за рубежом дискуссий о ее роли и значении, содержании и последствиях. Дискуссий, которые до сих пор не стали академическими, но остаются предельно политизированными. Дискуссий, стороны которых не приемлют компромиссов и полутонов, исследованиям предпочитают расследования, жаждут не истины, а «справедливости», с легкостью приносят историческую логику в жертву деталям, подменяют аргументы эмоциями, выдают за правду версии и гипотезы. Вероятно, сто лет – слишком небольшой срок для объективного исторического анализа и тем более для выработки общественного консенсуса. Слишком велики эмоции, глубоки обиды, памятли жертвы, глубоки различия интерпретаций одних и тех же фактов. Слишком глубоко проникла политика в историю, невероятно трудно отказаться от штампов и клише, которые почти и стали политикой. Однако есть один пункт, по которому существует согласие – Октябрьская революция не есть лишь исторический факт. Она является событием, определяющим многое в настоящем. А следовательно, не приняв, если и не окончательный вердикт, то хотя бы согласованную платформу отношения к революции вообще, и Октябрьской революции в частности, по основополагающим компонентам общественной жизни, мы рискуем повторить все ошибки прошлого, не увидев и не использовав даже малой части достигнутых в нем успехов.

Попытаемся определить контуры такой «платформы согласия» в области экономики.

Дискуссии столь ожесточенны, а дискуссанты столь непримиримы в стремлении отказать противной стороне в каком-либо праве, кроме права на капитуляцию и покаяние, что сравнительный анализ исторических и текущих условий и последствий, как реальных, так и виртуальных, революционного процесса воспринимается часто либо как покушение на «революционные святыни», либо как оскорбление «непорочной современности». Между тем предположение о «конце истории» в отношении событий столетней давности столь же неверно, как и предположение о «начале истории» в отношении ныне происходящих событий.

Исследование влияний и последствий революций в контексте экономической динамики предполагает ясное определение того, что имеется в виду под революцией. Кажущаяся прозрачность этого термина обманчива, хотя бы уже потому, что о терминах спорят не менее ожесточенно, чем о последствиях. В настоящих заметках, имея в виду экономические предпосылки и последствия, будем понимать под революцией переход власти (насильственным или ненасильственным путем) к новой национальной элите

или к части существующей элиты, представляющей (прямо или опосредованно) новые формы функционирования экономики и собственности. Как правило, эти новые формы настолько развиты, что изменение политической оболочки, обеспечивая приоритет соответствующих им институтов, гарантирует экономический прогресс за счет приоритета нового типа экономики, доказавшего свою эффективность в ходе предшествовавшей экономической эволюции. При этом устраняется дискриминация новых экономических и общественных институтов, что гарантирует их победу в конкуренции со «старыми» институтами, не возникает феномена «начала истории».

Российская революция в феврале 1917 г. в общем описывалась именно такой логической схемой. К этому времени экономическая эволюция вполне выявила перспективность и эффективность капиталистического хозяйства, то есть экономическая основа послереволюционного общества была в основном создана. Экономические результаты построения промышленно-капиталистического базиса были вполне положительны. Перед началом Первой мировой войны Россия вошла в число ведущих индустриальных держав. И хотя по доле в мировом промышленном производстве (5,3%) она еще уступала основным промышленным державам, особенно США (35,8%) и Германии (15,7%), но динамика указывала на обоснованность оптимизма. По темпам роста промышленного производства в 1887–1913 гг. Россия намного опережала все мировые индустриальные державы (540% в России против 340% в США и 300% в Германии).

Вместе с тем очевидными стали обстоятельства, обеспечивающие превращение абстрактной возможности революции (вызревание новых экономических институтов) в реальную в связи со слабостью существующей власти, готовностью элиты к предательству, основанной на опасении упустить ожидаемые выгоды от установления господства нового типа экономики. И политическое преобразование феодально-промышленного уклада в промышленно-капиталистический было запущено Февральской революцией.

Но в октябре 1917 г. было показано, что вышеописанная зависимость между экономикой и политическим переустройством не является само собой разумеющимся соотношением причины и следствия. Оказалось, что причина может лежать не в прошлом, а в будущем. Россия продемонстрировала, что основой революции может стать не реальная эволюция, нуждающаяся в политическом «толчке», а основанная на абстрактной теории или на аналогиях вера, идея создания «нового общества», экономики и типа собственности, не имеющих аналогов в действительности. Основанием явилась не экономическая эволюция, а идеальный образ «революционной

экономики» и не имеющих аналогов институтов. Не революция сама по себе плоха. Плоха революция, основанная не на достижениях предшествующей эволюции и создании стимула ускорения этой эволюции путем политического переустройства, а на умозрительных идеях и религиозной вере в светлое будущее, которое наступит после «искоренения зла настоящего». Элементы социализма не вызревали и не могли вызреть в недрах дореволюционной России. Следовательно, последующая эволюция не могла основываться на уже заданных траекториях и закономерностях, не могла ограничиваться уже возникшими отношениями и нормами.

Тем не менее Октябрьская революция положила начало новой ветви эволюционного развития общества. Для этого потребовалось «зачистить» уже существовавшие и сконструировать новые политические, идеологические, интеллектуальные, социальные, психологические, культурные институты. Конечно, абсолютной «чистоты» ни политической, ни институционально-экономической добиться не удалось. Пришлось пройти через переходный период, период сосуществования и конкуренции старых и новых отношений и форм, различных типов производственных отношений, ни один из которых не имел решающего перевеса в экономическом смысле. Однако исход «соревнования» был предопределен политическим контролем, который априори отдавал приоритет национализированному сектору экономики. Именно тотальная национализация стала основным институциональным оружием, гарантировавшим примат веры над экономической эффективностью.

Переходный период 1920-х гг. не являлся мирным соревнованием между социалистическим (государственным), капиталистическим (частным) и патриархальным укладами в экономике. Государственная собственность, как универсальная оболочка экономической деятельности и гарантия неизблемости политического (коммунистического) режима, являлась безальтернативным выбором. Речь шла только о выборе типа соединения государственной собственности с капиталистическими или патриархальными производственными отношениями. Выбор был прост – либо страна должна была развиваться по пути государственного капитализма, либо ее путь – государственный феодализм. В первом случае – товарное хозяйство с развивающимся рынком и контролируемой конкуренцией. Во втором случае – натуральное хозяйство внутри страны с использованием товарно-денежных отношений в качестве расчетно-контрольных инструментов централизованного управления и планирования.

Этот выбор должен был быть сделан в ходе объективного соревнования укладов, формой которого вполне мог стать НЭП. И, возможно, в случае более длительного периода сосуществования и взаимной конкуренции эко-

номических укладов в рамках НЭПа выбор был бы сделан в пользу государственного капитализма. В этом случае страна продолжала бы эволюционное развитие в русле общемировой экономической цивилизации. Однако это противоречило политическим целям и стремлению любым путем исключить реставрацию прежнего или даже возникновение альтернативного политического режима. Поэтому переходный период был насильственно прерван, и вместо экономического был сделан политический выбор типа организации общественного производства. Конкурентное рыночное производство было окончательно преобразовано в командно-централизованную экономику. Это обеспечило безусловный политический и экономический контроль партии как идеологической основы всей общественно-экономической конструкции режима. Конечно, государственный феодализм исторически и теоретически являлся высшей стадией по отношению к выделяемому К. Марксом азиатскому способу производства (государственное рабовладение) (Маркс, 1968), но не по отношению к капитализму, в государственно-монополистическую стадию которого перед 1917 г. активно вступала российская экономика (Ленин, 1969).

Изначальная идея переустройства экономики и общественно-политических институтов для обеспечения гарантии власти трансформировалась в идею абсолютной власти. Существовало два решающих обстоятельства для реализации этой идеи.

Во-первых, если в обществе нет внутренних движущих сил для переустройства, его нужно заставить двигаться в нужном направлении, подчинив его инстинкты идее построения «лучшего мира». Беспрекословное повиновение – лучшее средство для этого. Абсолютная власть – лучшая форма для такого средства. С неизбежностью эволюция выплескивает на поверхность фигуру диктатора. И совершенно неважно, как его имя и какой он национальности. Важно только, чтобы он воплощал собой абсолютную власть и реализовывал первоначальную идею или ее извращенное подобие.

Во-вторых, абстрактная цель построения «общества всеобщего процветания» в сочетании с идеей сохранения типа политического устройства (власти) предполагала скорейшее восстановление индустриально-экономического потенциала, тотально разрушенного после 1917 г. (в 1913 г. реальные национальные доходы на душу населения в США и России были равны, но уже в 1920 г. уровень американского превышал уровень российского на 80 п. п.). Это можно было делать посредством концентрации (эволюции) или централизации ресурсов. Последний путь был короче. Политически следствием централизации в масштабах огромной страны и экономики рано или поздно должна была стать диктатура.

Это произошло и стало институциональной формой нового витка эволюции. Эволюция была в целом экономически неэффективна и негуманна, но опиралась на устойчивую систему управления, собственности и воспроизводства общественной иерархии. С экономической точки зрения главной проблемой являлась опора на экстенсивный рост объема используемых ресурсов при подавлении стимулов роста эффективности. Тем не менее колоссальный ресурсный потенциал обеспечил создание мощного экономического комплекса и опирающейся на него системы социального развития. Неоднократно предпринимавшиеся попытки реформирования экономической системы только подтверждали устойчивость эволюционно развивавшейся сложнейшей системы общественного устройства. Все модификации, ставившие под угрозу основы власти, в конечном счете с различной мерой жестокости пресекались самой властью (НЭП в 1920-е, культурная революция в 1930-е, научно-техническая революция в 1950-е, кооперативное движение в 1980-е гг.) или же тихо умирали сами, подобно хозрасчету в 1960-е гг. Отсекались все потенциальные возможности исправить дефекты экономической модели, если они могли поставить под реальное или виртуальное сомнение сохранение незыблемости властной иерархии и соотношения с властью всех элементов общественного бытия, включая экономику.

Тем не менее за сравнительно короткий период было восстановлено соотношение макроэкономических потенциалов, характерных для начала XX в. К 1990 г. производство ВВП на душу населения в СССР составляло 40% от уровня США (в 1913 г. – 32%), рост реального национального дохода на душу населения в СССР составил почти 600% по сравнению с 1913 г., несколько превысив темп роста в США. При всем различии общественно-политических систем и механизмов экономического управления существовала важная общая платформа вышеупомянутой эволюции. Этой платформой являлся рынок как форма функционирования экономики.

Различие заключалось в том, что в классической рыночной экономике пропорции воспроизводства формируются как объективный результат процесса обмена продуктами, деятельностью и информацией. В соответствии с этими пропорциями происходит и распределение ресурсов как более или менее естественный перелив капитала.

В централизованной рыночной экономике (СССР) распределение ресурсов происходило в соответствии с заданными пропорциями, а обмен продуктами, деятельностью и информацией являлся результатом заданного распределения.

И в том и в другом случае общественная экономика развивается, опираясь на одинаковые элементы – определенные ценности того или иного

результата производства (целеполагание), обмен результатами деятельности, распределение ресурсов. Разными являются исходные предпосылки и конечные результаты. При этом на уровне отдельного производства, часто имеющего весьма крупные масштабы гигантских корпораций, технология организации экономической динамики совершенно одинакова. Различия проявляются на уровне всего общественного производства. Именно эта грань, грань допустимой концентрации «физического обобществления», была пройдена в ходе социальной революции.

Аксиомой рыночной экономики является формирование ценности на базе фактических затрат на получение результата, но окончательное «оформление» величины ценности происходит лишь в процессе обмена, где сравниваются притязания производителей не только одноименных продуктов (услуг), но и затраты на разнородные потребительные стоимости. При этом вполне может оказаться, что рыночная стоимость менее ресурсо- и трудоемкого продукта (услуги) оказывается выше тех, на производство которых затрачено больше труда и ресурсов. Это происходит в том случае, когда интенсивность текущего или желательного потребления выше интенсивности производства (спрос устойчиво превышает предложение).

Теоретически этот случай описывается теорией цены производства (Маркс, 1978), но имеет более общее значение, чем просто объяснение ситуации товарного дефицита. Устойчивое превышение спроса над предложением (устойчивый дефицит) не только формирует перелив ресурсов для увеличения предложения в данном секторе экономики в будущем. Устойчивый и острый дефицит формирует также посредством установления максимально высокой ценности данного дефицитного блага отвлечение ресурсов от потребления других необходимых благ ради получения именно этого. Здесь речь идет уже о формировании цены по типу предельной полезности блага (Менгер, 2005).

Следовательно, стандартные рыночные процедуры в принципе описывают все многообразие ценностных отношений в общественном производстве и потреблении, что определяет весь механизм функционирования общественного производства.

Стандартные рыночные процедуры не в состоянии решить, пожалуй, лишь одной задачи – централизации общественных ресурсов ради достижения стратегических общественных целей как экономического, так и внеэкономического характера. С этой точки зрения централизация объективно рыночных процедур, особенно процедур формирования целей и распределения ресурсов, в определенные моменты времени и для выполнения определенных стратегических задач является и оправданной и эффективной. Примеров тому достаточно в мировой практике. Наиболее эффективными

примерами этого рода являются усилия ряда государств по перестройке своих экономик на военные рельсы в период Первой и Второй мировых войн. Однако не менее знамениты примеры централизации рыночных функций ради перестройки экономики на рыночный лад (Япония, новые индустриальные страны, Китай).

Причина, по которой централизация рыночных функций привела к перерождению самой рыночной системы в СССР, хотя само по себе централизованное планирование не предполагает столь фатальных результатов, заключается в том, что централизация была использована не для формирования эффективной конкурентной экономической структуры, в которой установление пропорций происходит в результате объективного многоаспектного сравнения затрат и полезностей продуктов, а для закрепления данной функции за центральным планирующим органом, который реализовывал диктатуру государственно-феодальной формы организации общества. В результате произошло перерождение объективного процесса планирования в субъективированный процесс экономической диктатуры. Подобное перерождение должно было произойти объективно, независимо от того, как идеология трактовала отношение к рыночной экономике. Рыночные (товарно-денежные) отношения имманентно присущи развитому общественному разделению труда (косвенная оценка ценности продукта, обмен продуктами труда и деятельностью). Поэтому сам по себе процесс планирования вовсе не антагонистичен рынку как таковому. Отторжение рыночных механизмов происходит в результате многократного повторения некоторых логических схем.

В случае свободного рынка экономическая деятельность осуществляется в известной степени автоматически в ходе функционирования рыночных взаимосвязей и реализации решений агентов рынка. На централизованно контролируемом рынке отсутствуют автоматические механизмы принятия решений. Место конкуренции и цены, как регуляторов, занимают плановое решение и дефицит на рынке. Конкуренция продуктов и услуг подменяется конкуренцией ведомств за обладание производственными ресурсами, соответственно, не спрос формирует интенсивность выпусков, а плановое распределение ресурсов. После определенного количества циклов воспроизводства спрос заменяется централизованным плановым решением в качестве основополагающего параметра функционирования экономической системы. Данное решение всегда субъективно. Если в случае свободного рынка субъективная ошибка касается лишь одного или ограниченного числа производителей, то в случае централизованного планирования субъективизм и произвол в конструировании систем распределения и производства проецируются на все общественное производство, определяют общую

траекторию национальной социально-экономической системы. Тотальный субъективизм превращает лозунги диалектического материализма в практический субъективный идеализм. С этого начинается прогрессирующее вырождение плановых и управленческих процедур, за чем следует вырождение самой социально-экономической системы.

Следовательно, если бы нашелся способ поставить с головы на ноги механизм регулирования общественного производства, сохранив плановую основу, большая часть проблем была бы решена. Практика использования государственного планирования и соответствующего ему регулирования в развитых странах показывает продуктивность такого симбиоза. Развитые страны при этом пришли к подобному соединению в конце долгого пути, в начале которого был свободный рынок. В известной степени этого удалось добиться благодаря «подарку» России, которая предоставила миру уникальную возможность изучить на чужом опыте все плюсы и минусы нового принципа организации и кардинально повысить эффективность эволюционной адаптации. И мир этим шансом воспользовался.

Не воспользовалась им сама Россия. Логично было бы достроить государственное планирование, и достроить его эффективным регулированием рыночного типа, чтобы преобразовать экономику страны. Для этого можно было попытаться трансформировать существующий тип регулирования и рынка за счет постепенных мер по разрушению монополии, стимулированию производительной конкуренции, постепенной либерализации цен за счет их привязки к соотношению спроса и предложения, последовательно заблокировать распределительные функции Госплана, передавая их системе косвенных регуляторов (налогам, тарифам, ценам, потребительским предпочтениям, ссудному проценту и пр.), сохранив при этом здоровое ядро государственного планирования. То есть следовало бы использовать «смешанную стратегию развития», при которой новые институты и новая власть усиливаются рациональными воздействиями со стороны «старых» институтов (Минакир, 2001). Подарив миру модель усиления действия традиционных институтов «альтернативной организацией», Россия сама воспользовалась этой моделью только в 1930-е гг. С 1950-х гг. началось свертывание этой модели и переход к «чистой» стратегии (изоляция).

Очередная попытка перейти к смешанной экономике была предпринята во второй половине 1980-х гг. Названная «перестройкой», эта попытка капитального ремонта ортодоксального социализма за счет имплантации институтов конкурентного рынка должна была в теории придать существующему режиму большую устойчивость и эффективность. Это была вполне осуществимая задача, учитывая, что в отличие от 1917 г. содержательные

элементы конкурентного рынка и основной институциональный каркас «вызрели» в недрах командно-централизованной системы организации и управления национальной экономикой. Вплоть до 1991 г. реально осуществлялся переходный период по имплантации новых институтов и принципов. Этот процесс протекал трудно, и результаты были противоречивы, но это был реальный шанс достичь улучшения без потери достигнутого. Однако в дело вмешались самые разрушительные, как известно еще по 1917 г., вне-экономические силы.

Во-первых, вкус реальной собственности породил вкус части элиты к предательству ради будущих дивидендов, которые могли бы быть упущены, если не перехватить власть. Во-вторых, в очередной раз после 1917 г. философия революционного радикализма одержала верх над философией эволюционного развития. Это стало возможно благодаря политической ошибке, сделавшей главным приоритетом «гласность», а не реальные экономические реформы. Этот приоритет сделал главными героями публицистов, которым принадлежит основная заслуга в том, что общественному мнению была навязана новая вера – вера в то, что уничтожение с корнем всех порождений Октябрьской революции и построение экономики совершенной конкуренции приведет к быстрому и безболезненному счастью для всех. Опять, как и в 1917 г., ценность в глазах общества достигнутых результатов оказалась несравненно меньше ценности виртуальных благ в будущем. Вера в очередной раз заменила расчет и победила рациональность. Значение имело и то, что если в 1917 г. в арсенале революционных демагогов были только теоретические постулаты, то в конце 1980-х – начале 1990-х гг. основным оружием стала информация, сравнительные картинки западного и советского образа и качества жизни. Разумеется, не принималось во внимание, что все эти картинки были результатом длительного и часто мучительного развития. Вера в чудо перевесила рациональную осторожность.

Декабрьский, 1991 г., политический переворот был воспринят массами лишь как устранение препятствия на пути к демократическому реваншу, необходимому для вхождения в «великую семью цивилизации». Фактически же этот переворот оказался сродни революции, ибо конечной целью была не просто перетасовка фигур в коридорах и высших эшелонах власти, но изменение характера и распределения собственности. И собственники новые были известны изначально: все та же партийно-хозяйственная номенклатура, которая контролировала эту собственность и ранее, но де-факто и в форме «должностного кормления». Теперь контроль следовало реорганизовать в персонифицированную собственность де-юре.

Как и в 1917 г., сразу возникла проблема превращения экономики в решающее средство для создания базиса новой власти. В 1917 г. нужно было

создать «Великого Коммунара», носителя светлых идей и собственника средств производства, отнятых у кровососов-капиталистов и помещиков. Почти аналогичная ситуация создалась и после августовского (1991 г.) путча и декабрьского (1991 г.) переворота. Следовало создать или найти носителей новой светлой капиталистической идеи (Экономика..., 1994). И в очередной раз следовало отказаться от «смешанной стратегии», воспроизведя фундаментальную ошибку 1917 г. – приняв за абсолютную истину предположение о «конце истории» в отношении советского периода и о «начале истории» в отношении нового этапа общественного развития.

Важнейшей задачей после преобразования отношений собственности стала задача создания новой институциональной структуры, новой идеологии и новой экономической основы для обновленного режима обновленной России. Философия радикализма оказалась как нельзя более кстати. Радикальная экономическая реформа должна была смести остатки старого экономического фундамента и воздвигнуть новую экономическую основу власти посредством сращивания собственности на основные средства производства и ресурсы с новой иерархической пирамидой власти.

Попытка «кавалерийской атакой» завершить политический переворот экономической революцией и на этот раз не удалась. Обещание завершить экономическую реформу, то есть переходный период, за один год оказалось блефом. Страна втянулась в новый переходный период. Но это был качественно иной переходный период по сравнению с 1920-ми гг. Тогда были допущены действовавшие до революции форматы организации и функционирования экономики. В 1990-х гг. действовавшие форматы были искоренены. И прежде всего это касалось системы экономических институтов.

Во второй раз за 100 лет страна должна была погрузиться в несуществующую уже на тот момент реальность – капитализм свободной конкуренции, должна была начать строить виртуальную экономику, которая не могла состояться как экономика конкурентная, так как сопоставимой по идее и формам экономики в мире уже не существовало. Стране было предложено начать с того, на чем была прервана эволюция, – с доиндустриального капитализма, перераставшего свою мелкобуржуазную форму и втягивавшегося в джунгли безраздельного господства монополий, стремящихся подчинить себе экономику и государственный аппарат, использующих коррупцию и гангстеризм как оружие для завоевания финансового господства. Собственно коррупция бюрократического аппарата и разгул преступности при этом становятся неискоренимыми элементами общественного бытия именно потому, что порождаются и используются имеющими гигантскую финансовую мощь и, следовательно, власть монополиями. Такова была

гипотетическая модель послереволюционного развития общества в конце XX в. Фундаментальной задачей становилось прекращение эволюционного развития, инициированного Октябрьской революцией, и переход, как и в 1917 г., на другой виток эволюционной спирали.

При этом был отброшен в сторону, как досадная и несущественная мелочь, тот факт, что в ходе предшествовавшей послеоктябрьской эволюции практически полностью были уничтожены не только институты, нормы и отношения мелкобуржуазной и капиталистической формаций, но претерпели изменения сама общественная мораль и менталитет. Поэтому надежда на то, что в результате нового переворота новая эволюция общества начнет прямо с достижений современных постиндустриальных обществ, была столь же наивна, как и призыв В.И. Ленина овладеть всеми достижениями науки и культуры и положить их в основу нового, более высокого по уровню развития социализма, уничтожив предварительно не только носителей культуры и науки, но и саму общественную мораль, признававшую культуру и науку высшим проявлением общественной духовности.

Важнейшими двумя действиями в ходе нового переходного периода стали превращение планирования в макроэкономическое регулирование и приватизация (разгосударствление).

Первое довершило окончательно разгром хозяйственной и институциональной структуры советского периода. При этом на вооружение с самого начала была взята абстрактная схема монетарного регулирования в негосударственной рыночной экономике. Это был чисто большевистский подход к делу – некогда ждать, декларация важнее прогресса, раз объявлен рынок, тем хуже для экономики, если она еще не рыночная, будем обращаться с ней как с рыночной, и она сама привыкнет. Это отличалось от методов, применявшихся даже самими большевиками в период НЭПа 1920-х гг. Тогда введение в действие жесткого администрирования в форме централизованного планирования потребовало сравнительно длительного времени (от первого плана ГОЭЛРО до первой пятилетки прошло 6 лет). А сам НЭП до конца оставался периодом существования смешанной экономики (сохраненной частно-рыночной и создававшейся государственной). Новый НЭП в сфере регулирования был введен одномоментно с демонстративным игнорированием сохранения в экономике старой структуры и форм взаимодействия.

Приватизация в форме коммерциализации, ваучеризации и принудительного акционирования стала вторым стремительным шагом в разрушении старого и создании нового экономического базиса. Это было зеркальное отражение 1920-х гг. Вместо массовой и стремительной национализации в форме конфискации – массовая и стремительная денационализация и по су-

щество тоже в форме конфискации, на этот раз конфискации у общества (при всей формальности общественной собственности).

Кардинальным отличием переходного периода 1920-х гг. от нового переходного периода является то, что нынешний оказался чрезвычайно продолжительным и до настоящего времени не завершился выбором того или иного господствующего типа институционального устройства. Завершенным оказался только период преобразования формы собственности. В области организации, управления, мотивации переходный траекторий период продолжился и за пределами 1990-х гг. частичной реставрацией государственного регулирования и приближенных к централизованному планированию форматов распределения и мотиваций. Этот симбиоз так и не одержавших окончательную победу институциональных форматов сдерживает окончательный выбор траектории социально-экономического развития. Но, возможно, еще более проблематичным с точки зрения общественно-экономической устойчивости является сохраняющаяся неопределенность в области политических трендов, вызванная как раз отсутствием однозначного выбора типа экономического развития.

Нежелание извлекать уроки из собственных ошибок может дорого обойтись, и экономические потери могут оказаться непоправимыми. Идеи материальны, когда они трансформируются в однозначные действия. Идеи могут оказываться разрушительными, когда они сопровождаются действиями противоречивыми, а часто и взаимоисключающими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Политическая литература, 1969. С. 299–426.
- Маркс К.* Капитал. Т. 3. М.: Политическая литература, 1978. 508 с.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. М.: Политическая литература, 1968. 560 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 27. М.: Политическая литература, 1962. 696 с.
- Менгер К.* Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 496 с.
- Минакир П.А.* Системные трансформации в экономике / под ред. Д.С. Львова; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исслед. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
- Экономика Дальнего Востока: реформа и кризис / под ред. П.А. Минакира; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исслед. Хабаровск – Владивосток: Дальнаука, 1994. 202 с.

EVOLUTION AND REVOLUTION: LESSONS OF A CENTURY-LONG EXPERIMENT

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir – Academician RAS, Doctor of Economics, Professor, Research Supervisor. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0002-5451-5662

Abstract. The work studies economic aspects of Russian revolutions of 1917, the history and consequences of which (especially the second one, October Revolution) attract notable attention today not only in Russia, but in the whole world, considering their significance for the global history, the influence on the modification of contents of human civilization's evolution. The study analyzes the effects of forms of revolutionary transformations on the institutional and economic trends and socio-economic results both factual and hypothetical. Taking into account economic premises and consequences, this study considers revolution a transfer of power (violent or not) to a new national elite or a part of pre-existing elite representing (directly or not) new forms of functioning of economy and property. As a rule, these new forms are so developed that the change of political 'casing', through giving a priority to their institutions, guarantees economic progress by prioritizing a new type of economy that has proven its efficiency during preceding economic evolution. The study states that in Russia's case, the base of the revolution was not a real evolution that required a political push, but a based on an abstract theory or analogies belief, an idea of creating a 'new society', economy, and property that have no real analogues.

Keywords: revolution, economy, coup, messiahship, institutions

REFERENCES

- Lenin V.I. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. *The Complete Works*, vol. 27. Moscow, 1969, pp. 299–426. (In Russian).
Marx K. *Capital, Volume III*. Moscow, 1978, 508 p. (In Russian).
Marx K. Economic Manuscripts of 1857–1859. Marx K., Engels F. *Collected Works. Volume 46*. Moscow, 1968, 560 p.
Marx K., Engels F. *Collected Works. Volume 27*. Moscow, 1962, 696 p. (In Russian).
Menger C. *Selected Works*. Moscow, 2005, 496 p. (In Russian).
Minakir P.A. *System Transformations in Economy*. Edited by D.S. Lvov. Economic Research Institute FEB RAS. Vladivostok, 2001, 536 p. (In Russian).
Economy of the Far East: Reform and Crisis. Edited by P.A. Minakir. Economic Research Institute FEB RAS. Khabarovsk – Vladivostok, 1994, 202 p. (In Russian).